

Глава 1. В поисках общей ПОЧВЫ

Мюррей Букчин:

Я был общественным активистом более 55 лет. Я был радикальным профсоюзным организатором в 1930-е и 40-е, и я был вовлечён в движение за гражданские права, движение «новых левых» и контркультурное движение 1960-х и 70-х. Я также долгое время был активистом экологического движения. Я рад, когда, например, Родерик Нэш отмечает это достижение в своей книге «Права природы», указывая, что я был на переднем крае экологической борьбы ещё много лет тому назад, задолго до того, как стало широко использоваться слово «экология».

Большинству людей неизвестно, что я появился на экологическом фронте ещё в 1952 г. В то время я выступал против использования пестицидов и пищевых добавок. В 1954 г. я проводил кампанию против ядерных испытаний и радиоактивных осадков. Я протестовал против радиоактивного загрязнения, вызываемого «мирным атомом», которое получило огласку после аварии на Уиндскейлском ядерном реакторе в Великобритании в 1957 г. и позднее, когда «Кон Эдисон» пыталась построить крупнейший в мире ядерный реактор в самом сердце Нью-Йорка в 1963 г. После того я был активным участником антиядерных объединений, таких как «Клэмшелл» и «Шед», и их предшественников, таких как «Восточное экологическое действие». В последние годы я по мере своих сил вёл работу как член берлингтонской группы зелёных в Вермонте и помогал в создании континентальной Сети левых зелёных, которая работает в составе Зелёных корреспондентских комитетов⁵². Моя цель уже долгое время заключается в том, чтобы способствовать созданию действительно радикального североамериканского зелёного движения, которое гармонизирует отношения между людьми, а также между обществом и биосферой.

Однако я никогда не ограничивал своих усилий общественной и организаторской работой. Я испытываю давний и живой интерес к экологической философии и социальной теории. Я считаю, что невозможно переоценить значение глубоких и плодотворных размышлений о судьбах Земли. Нам нужны идеи, хорошие идеи, чтобы направлять нашу общественную активность. Именно это мы всегда стремились подчеркнуть в Институте социальной экологии, который я основал в 1974 г. совместно с Дэном Ходоркоффом и который всё ещё сохраняет свою силу сегодня.

В книге Родерика Нэша, о которой я уже упоминал, говорится, что мне «почти нет равных», когда дело касается «времени, потраченного на упорное копание в радикальной экологической теории»⁵³. Мне приятно думать, что это действительно так. Без лишней

скромности могу сказать, что я был на «передовой» зелёной политической мысли. С 1952 г. я написал более тридцати книг по социально-экологической теории, включая «Нашу синтетическую окружающую среду» (которая вышла на полгода раньше «Безмолвной весны» Рейчел Карсон), «К экологическому обществу», «Экологию свободы», «Современный кризис» и мою последнюю работу «Реконструкция общества: На пути к зелёному будущему». Также я обучил более 2 000 студентов в нашем институте и много ездил по стране со своими лекциями.

Поэтому я призываю людей: если вы чувствуете желание критиковать мои идеи, как, я полагаю, вам и следует, пожалуйста, будьте добры сначала прочесть мои работы и выслушать то, что я должен вам сказать. Я сейчас получаю от академической профессиональной аудитории много критических отзывов, написанных на основании только одной-двух статей или иногда просто слухов. Я не прошу, чтобы вы читали все мои материалы, – только то, что необходимо, чтобы дать ответственную оценку и критику.

И если вы прочтёте мои работы, вы обнаружите, что я не только профсоюзный активист, работавший на литейных и автомобильных заводах в ряде больших промышленных городов, не только революционный левый уже в течение 55 с лишним лет – я также в значительной мере разделяю экологический образ мыслей моих друзей-консервационистов в «Земля прежде всего!». Вас это удивляет? Откровенно говоря, я схожусь во взглядах с активистами «Земля прежде всего!» по многим вопросам. Думаю, что они и Дейв Формен делают во многих отношениях замечательную работу. Я с искренним сочувствием отношусь ко многим их кампаниям прямого действия в защиту дикой природы. Они – не террористы, как пытается убедить вас ФБР. Они делают важную работу, которую я горячо поддерживаю.

Хотя страницы моих работ усыпаны призывами в защиту дикой природы, люди могут не понимать, что я – «помешанный на природе». Я вовсе не проводил всё своё время на пикетах, митингах, в рабочем кабинете или библиотеке. Моя страсть к дикой природе и её обитателям – это страсть всей жизни. Начиная с моего детства, когда в Бронксе ещё сохранялись остатки древних лесов, я обожал исследовать природный мир. Я побывал почти в каждом национальном лесу и национальном парке Соединённых Штатов и во многих европейских, от Олимпика и Смоки-Маунтинс до немецкого Шварцвальда. Я исходил всю Аппалачскую тропу в промежутке от Вермонта до Теннесси. Большую часть тех двух лет, когда я преподавал в Нью-Джерси, я не мог провести ни одни свои выходные без восхождения на горы Рамапо. Я отношусь к ним с нежной любовью.

Одним из самых ярких моментов в моей жизни стало одиночное путешествие вглубь леса зимой, во время которого я мог замёрзнуть насмерть, если бы ненароком вывихнул себе лодыжку. Больше всего я сожалею о том, что теперь, когда мне под семьдесят и я страдаю от жестокой формы остеоартрита, я больше не могу путешествовать пешком по дикой местности. Сегодня мне приходится быть лишь робким воздыхателем. Если бы я мог, я лично встал бы плечом к плечу со всеми участниками «Земля прежде всего!», чтобы защищать дикую природу. В этом отношении между Дейвом Форменом и мной нет никакой противоположности, совершенно никакой!

Наше общество должно научиться жить в мире с планетой, с остальной частью биосферы. Мы полностью согласны в этом фундаментальном вопросе. Теперь нам приходится жить в постоянном страхе того, что силы живого мира будут необратимо подорваны обществом, которое в своей безумной жажде роста органическое заменяет искусственным, почву – бетоном, лес – пустошью, а разнообразие жизненных форм – обеднёнными экосистемами; короче говоря, переводит часы эволюции назад, к более примитивному, неорганическому, минерализованному миру, неспособному поддерживать какие бы то ни было сложные формы жизни, включая человеческий вид. Весь живой мир, включая те немногочисленные, но восхитительные в своей первозданности места, что ещё остались на нашей планете, нуждается в защите. Более того, девственные ареалы должны быть расширены. По этому пункту между Дейвом и мной нет никаких разногласий.

Я согласен и с тем, что нам нужно найти рациональное решение проблемы народонаселения. Мировая человеческая популяция должна быть приведена в эффективное равновесие соответственно «допустимой нагрузке» на планету. Рано или поздно нам придётся иметь дело с бездумным размножением человечества. Однако для нас безусловно важно прежде всего чётко определить, что мы понимаем под такими терминами, как «перенаселение» и «допустимая нагрузка».

И вот здесь рассуждения некоторых глубинных экологов начинают меня пугать. Нам нужен такой подход к проблеме, который не имел бы ничего общего с газовыми камерами и расизмом. Я знаю, что значит принять на себя главный удар программы «контроля населения». Все мои родственники в Европе мертвы. Они погибли в нацистском Холокосте. Они были истреблены ради решения «проблемы народонаселения». Для Гитлера мир был бы перенаселённым, если хотя бы одного еврея оставили в живых.

Я никогда не считал участников «Земля прежде всего!» фашистами. Но у меня вызывают опасение определённые положения и заявления, тенденция которых напоминает мне речи, звучавшие пятьдесят лет назад, когда мир был охвачен фашистским движением, использовавшим «натуралистические» мальтузианские аргументы для оправдания расистской политики контроля населения. Это злоупотребление темой «перенаселения» – проблема не только исторического прошлого. Эту тему продолжают эксплуатировать. Достаточно посмотреть на то, что пытается делать рокфеллеровская свора в странах третьего мира. Это чрезвычайно опасный вопрос, и его необходимо обсудить со всей тщательностью и благоразумием, если мы намерены остановить расизм, сексизм и геноцид. Даже глубинные экологи, как Уорик Фокс, согласны с тем, что «чудовищно» говорить о СПИДе как о мере по регулированию населения или отказывать в помощи голодающим детям Эфиопии для того, чтобы «дать природе восстановить баланс»⁵⁴.

Так что я прошу всех вас, всех, участвующих в экологическом движении, крайне осторожно подходить к проблеме народонаселения. Это острая, очень острая тема. Не давайте одурачить себя разговорами, скрывающими истинные цели многих из тех, кто говорит о контроле роста населения. Я прошёл 30-е. Расовая империалистическая война и политика массового истребления стоили нам 60 миллионов жизней. Вещи такого рода – это не радикальная экология. Мы должны тщательно исследовать эту проблему, принимая во внимание оправданные страхи женщин и цветных людей, которые становились жертвами

программ контроля населения в прошлом. Мы должны отыскать решение, которое будет гуманным и экологически целесообразным. Для нас важно отделить социальные аспекты проблемы от чисто биологических и затем понять, как эти аспекты взаимодействуют друг с другом. Прошу вас, давайте будем осторожны. Мы можем договориться об этом?

Позвольте мне перейти к следующему пункту. Нравственная максима «Земля прежде всего!» заставляет нас охранять мир природы от наших же экологически разрушительных обществ, то есть в некотором смысле от нас самих. Но я должен спросить: кто эти «мы», от которых должен быть защищён живой мир? Этот вопрос также важен. «Мы» – это «человечество»? Это человеческие «особи» по существу? Это люди как таковые? Или же это наше конкретное общество, наша отдельно взятая цивилизация с её иерархическими общественными отношениями, которая мужчин противопоставляет женщинам, привилегированных белых – цветным людям, элиты – массам, эксплуататоров – рабочим, первый мир – третьему и, в конечном счёте, растущую подобно раковой опухоли индустриальную капиталистическую экономику – естественному миру и остальным формам жизни? Разве не здесь лежит корень всеобщего убеждения, что природа – это просто объект общественного доминирования, имеющий ценность лишь в качестве «ресурса»?

Либеральные энвайронменталисты, как и немалое число глубинных экологов, слишком часто твердят нам о том, что именно «мы» как вид, или, по крайней мере, «мы» как сплав «антропоцентричных» индивидуумов, ответственны за расстройство связующих нитей в живом мире. Я вспоминаю «экологическую» выставку, устроенную Музеем естественной истории в Нью-Йорке в 1970-е, где публике был представлен долгий ряд экспонатов, каждый из которых иллюстрировал примеры загрязнения и разрушения среды. Экспонат, закрывавший выставку, сопровождался потрясающей надписью: «Самое опасное животное на Земле». Он представлял собой просто-напросто огромное зеркало, которое отражало человека, стоявшего перед ним. Я помню чёрного ребёнка, смотревшего в это зеркало, пока белый школьный учитель пытался объяснить послание, которое так бесцеремонно хотел донести этот экспонат. Заметьте, на выставке не было экспоната, который представлял бы совет директоров корпорации, планирующих извести лес на горном склоне, или правительственных чиновников, действующих с ними в сговоре.

Одна из проблем этого асоциального, «видоцентричного» мышления, конечно же, заключается в том, что оно обвиняет жертву. Посмотрим правде в глаза: когда вы говорите, что чёрный ребёнок из Гарлема так же виноват в экологическом кризисе, как и президент «Эксон», вы позволяете уходить от ответа одному и возводите клевету на другого. Подобные рассуждения энвайронменталистов делают создание широкой коалиции почти невозможным. Угнетённые знают, что человечество сложным образом разделено на неравноправные группы, и закрывать на это глаза было бы непростительно. Чёрные люди хорошо понимают это, когда противостоят белым. Бедняк хорошо понимает это, когда противостоит богачу. Третий мир хорошо понимает это, когда противостоит первому миру. Женщины хорошо понимают это, когда противостоят патриархально настроенным мужчинам. Радикальное экологическое движение тоже должно это понимать.

Все эти пустые разговоры о «нас» маскируют реалии общественной власти и общественных институтов. Они маскируют тот факт, что общественные силы, растаскивающие по частям

планету, – это те же силы, что угрожают дискриминацией женщинам, цветным людям, рабочим и обычным гражданам. Они маскируют факт исторической связи между тем, как люди относятся друг к другу как общественные существа, и тем, как они относятся к остальной природе. Они маскируют факт того, что наши экологические проблемы – это фундаментальные социальные проблемы, требующие фундаментальных социальных изменений. Это я и подразумеваю под социальной экологией. Есть большая разница между тем, как относятся к природному миру люди, живущие в кооперативных, неиерархических, децентрализованных сообществах, и люди, живущие в иерархических, классовых, авторитарных массовых обществах. Аналогично, экологический эффект человеческого разума, науки и технологии в огромной степени зависит от типа общества, в котором эти силы формируются и приводятся в действие.

Возможно, самый важный вопрос, на который все направления радикального экологического движения должны дать удовлетворительный ответ, – это что мы имеем в виду, говоря о «природе». Если мы посвятили себя защите природы, важно ясно понимать, что значит для нас это слово. Природа, реальный мир – это по сути остатки дочеловеческой, незапятнанной биосферы Земли, которая теперь значительно сокращена и отравлена присутствием «чужеродных» человеческих особей? Это те безлюдные виды, которые открываются нам с горы? Это вселенская галерея живых существ, застывших в мгновении вечности, которых следует смиренно почитать, боготворить и оберегать от всякого человеческого вмешательства? Или же значение природы намного шире? Может, это эволюционный процесс, который идёт по нарастающей и включает в себя развитие человека?

Экологическое движение ни к чему не придёт, если оно не поймёт, что люди являются продуктом естественной эволюции не в меньшей степени, чем сине-зелёные водоросли, киты и медведи. Концептуально отделять людей и общество от природы, рассматривая человечество как изначально чуждую миру силу, – значит, с философской точки зрения, приходить либо к антиприродному «антропоцентризму», либо к мизантропическому отвращению в отношении людей. Не будем отрицать, подобная мизантропия действительно проявляется в определённых экологических кругах. Даже Арне Несс признаёт, что многие глубинные экологи «рассуждают так, будто они рассматривают людей как непрошенных гостей в чудесной природе»⁵⁵.

Мы – часть природы, итог долгих эволюционных странствий. Древние океаны в каком-то смысле текут в наших жилах. Будучи зародышами, мы в известной мере проходим своего рода биологическую эволюцию. И эволюции природы вовсе не противоречит тот факт, что спустя миллиарды лет после её начала появились существа, именуемые людьми, которые способны мыслить самыми изощрёнными способами. Наш мозг и нервная система не возникли внезапно, без долго созревавших предпосылок в естественной истории. То, что мы больше всего ценим и считаем неотделимым от нашей человечности, – наша необычная способность рассуждать на сложных концептуальных уровнях – берёт начало в нервной системе примитивных беспозвоночных, ганглии моллюска, спинном мозге рыбы, головном мозге амфибии и коре головного мозга примата.

Мы должны понимать, что человеческий вид эволюционировал как необычайно творческая, общественная форма жизни, которая организуется, чтобы обустроить для себя место в природе, а не просто приспосабливается к ней. Люди, их разнообразные общества и их невероятная способность изменять окружающую среду – всё это не было изобретено группой идеологов, называемых «гуманистами», которые решили, что природа была «создана», чтобы служить человечеству и его потребностям. Безмерное могущество человечества стало итогом долгих эонов эволюционного развития и столетий культурного развития. Однако это исключительное могущество возлагает на нас огромную моральную ответственность. Мы можем поддерживать разнообразие, плодородие и богатство природного мира – того, что я называю «первой природой», – возможно, более сознательно, чем любое другое животное. Или же наше общество – «вторая природа» – может эксплуатировать всё многообразие жизненных форм и разрушать планету с ненасытностью и быстротой раковой опухоли.

Будущее, ожидающее живой мир, в конечном счёте зависит от того, какого рода общество, или «вторую природу», мы создадим. Это, вероятно, больше, чем любой другой отдельно взятый фактор, влияет на то, как мы взаимодействуем и как проникаем в биологическую, или «первую», природу. И не стоит заблуждаться: будущее «первой природы», первоочередная забота консервационистов, зависит от результатов этого взаимодействия. Главная проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня, в том, что социальная эволюция «второй природы» приняла неправильный оборот. Общество отравлено. Оно было отравлено тысячелетия назад, ещё до начала бронзового века. Оно было деформировано правлением старейшин, патриархов, воинов, иерархов всех видов, которое привело к нынешней ситуации, когда миру угрожают конкурентная, обладающая ядерным оружием, разделённая на национальные государства и феноменально деструктивная корпоративно-капиталистическая система на Западе и столь же деструктивная в плане экологии, хотя уже и рассыпающаяся, бюрократическая государственно-капиталистическая система на Востоке.

Мы должны создать экологически ориентированное общество из существующего антиэкологического. Если нам удастся изменить направление социальной эволюции нашей цивилизации, то люди смогут способствовать созданию действительно «свободной природы», где все наши человеческие способности – интеллектуальные, коммуникативные и социальные – будут поставлены на службу естественной эволюции, чтобы сознательно увеличивать биотическое разнообразие, преодолевать лишения, способствовать дальнейшему развитию новых, экологически ценных форм жизни, уменьшать воздействие аварий и катастроф, сокращать пагубные эффекты резких изменений. Наш вид, которому самой эволюцией дарованы творческие способности, смог бы исполнять роль пробудившегося самосознания природы.

Член аудитории:

“ Извините, мне хотелось бы знать, что вы можете сказать о таком технологическом решении, как генная инженерия? Я слышу, что вы говорите о других видах, других животных как о вспомогательных

ступеньках в эволюции человеческого сознания, самосознания, которое вы называете «второй природой». Мне кажется, если мы склоняемся к такому мнению о других организмах, тогда нет причин сопротивляться их генетической модификации для осуществления наших желаний. Какую духовную перспективу это представляет?

Мюррей Букчин:

У меня для вас удивительные новости. Я вовсе не думаю, что люди – повелители природы и что животные и другие формы жизни служат для них ступеньками. Прошу вас ещё раз: пожалуйста, читайте то, что я написал, и внимательно слушайте то, что мне приходится говорить. Долгие годы я защищал этику комплементарности. Комплементарность, в отличие от доминирования, предполагает обновлённое сознание, в котором присутствуют бескорыстное уважение к иным формам жизни и активная реакция на них в форме творческого, любовного, заботливого симбиоза.

Позвольте мне внести ясность. Я не доверил бы нынешним научным учреждениям разработку зубочистки, не говоря уже о том, чтобы позволить им баловаться биоинженерией. Я считаю, мы должны прекратить всю эту чушь немедленно. При современном общественном укладе научные учреждения морально неспособны работать с биотехнологией. Правда в том, что, исходя из текущей модели технологических инноваций, эти учреждения почти всё созданное ими будут использовать в дурных, порочных целях.

Я не пропагандирую взгляды, поддерживающие «природную инженерию». Мир природы, как я неоднократно подчёркивал в своих работах, слишком сложен, чтобы «контролироваться» человеческой изобретательностью, наукой и технологией. Мои собственные анархические наклонности привнесли в мои рассуждения любовь к спонтанности, будь то человеческое поведение или естественное развитие. Природную эволюцию нельзя лишать свойственной ей стихийности и плодовитости. Именно поэтому защита и расширение ареалов дикой природы всегда должны быть одним из направлений нашей борьбы.

Далее, давайте положим конец всем разговорам о том, что я одобряю жестокость по отношению к животным. Подобно всем остальным, я хотел бы видеть, если возможно, лекарство от рака, от болезней, причиняющих боль, и так далее, но поверьте мне, мучить животных во имя науки – это чудовищно. Это нужно остановить. Я недавно смотрел документальный фильм о том, что они делают, когда исследуют животных. Не поддаётся описанию то, что проделывает с животным человек, пишущий магистерскую диссертацию, чтобы просто доказать, что оно чувствует боль. Им ещё предстоит «открыть» этот факт? Вот уж действительно, великие умы за работой! Исследователей нужно лишить права истязать живых существ. Текущее положение дел ужасно.

Поэтому поймите, в этот момент, при нынешних обстоятельствах я – почти что луддит. Поясню свою мысль. Наше общество настолько аморально, что ему нельзя доверить ни одну разработку до тех пор, пока мы не будем способны сесть и решить, как экологически

ответственное, экологически сознательное сообщество, каким образом мы собираемся разрабатывать и использовать нашу технологию. Нельзя сказать, что я выступаю против исследований или против технологии, но это общество недостаточно нравственно, чтобы решать, что необходимо, а что нет.

Конечно, возможен и другой путь. Экологические технологии могут и должны быть развиты. Интересная работа в этой области проводилась последние 25 лет. Я лично проводил эксперименты с различными экотехнологиями, начиная с 1974 г., в Институте социальной экологии. Там мы строили солнечные коллекторы, ветряные генераторы, экологически спроектированные здания; мы занимались аквакультурой и органической агрикультурой, усиленной технически и технологически. Другие группы, такие как Институт новой алхимии, разрабатывали эти вопросы даже более интенсивно, чем мы. Я убеждён, что освободительная, экологически чистая технология возможна. Надеюсь, с этим мы все можем согласиться.

Если вы действительно прочитаете мои работы, то мы также сможем отбросить предположение, будто моё мировоззрение бездуховно. Это утверждение – полная бессмыслица. Любой, кто прочтёт «Экологию свободы», обнаружит, что эта книга постоянно призывает к новому экологическому сознанию, к новой духовности. В ней полностью признаётся необходимость духовной связи с миром природы.

Единственное возможное разногласие сводится к тому, получит это экологическое чувство естественную или сверхъестественную направленность.

Духовность может означать достойное и, более того, благотворное для нас самих отношение к природе и её тонким взаимосвязям, поэтому крайне важно, чтобы мы в экологическом движении не позволили этому представлению вырождаться в атавистическую, простодушную форму культа природы, заполонённую богами, богинями и, в конечном итоге, новой иерархией жрецов и жриц. Люди, верящие в то, что выход из экологического кризиса может быть найден в создании новой «зелёной религии» или же в возрождении древней веры в богов, богинь и лесных духов, – напускают мистический туман на нашу потребность в социальных изменениях. Тенденция поступать именно таким образом, заметная у многих глубинных экологов, экофеминисток и нью-эйдж-зелёных, беспокоит меня. Различие, которое я провожу между необходимой нам натуралистической духовностью и ненужной, потенциально вредной сверхъестественной «зелёной религией», полагаю, является ценным вкладом в теорию.

В заключение позвольте мне сказать, что я нахожу много точек соприкосновения между Дейвом Форменом и мной. Как я уже говорил ранее, мы должны оказывать поддержку «Земля прежде всего!» и её кампаниям прямого действия по сохранению того, что осталось от дикой природы. Дейв находится на переднем крае борьбы за это дело и, наряду с другими членами «Земля прежде всего!», заслуживает нашей полной поддержки, особенно сейчас, когда «Земля прежде всего!» подвергается атакам со стороны ФБР.

Мы не можем позволить ФБР оставаться безнаказанным после навешивания на радикальное экологическое движение ярлыка «террористов». Я участвовал в радикальной политике

прямого действия всю мою жизнь. Я знаю, что значит попасть под удар ФБР. Я знаю, на что похоже это собрание психов. Людям, которые серьёзно занимаются защитой Земли, в скором времени придётся подняться против влиятельных энергетических компаний, крупных корпораций, частных детективных агентств, местных департаментов полиции и ФБР. Я жалею лишь о том, что у меня нет физической возможности непосредственно участвовать в дерзких ненасильственных кампаниях прямого действия, таких как Лето секвойи.

Я также хочу сказать, что, по моему мнению, политические различия между Дейвом и мной во многом являются взаимодополняющими. Дейв и «Земля прежде всего!» работают над сохранением дикой природы; мы с соратниками пытаемся создать новую инициативную муниципальную политику, новую кооперативную экономику, новую модель науки и технологии, чтобы идти в одном направлении с их акциями прямого действия, демонстрациями, митингами и протестами в защиту дикой природы. Мы должны усвоить, что мы – разные стороны одного движения. Мы также должны по возможности в дружеском духе решать те принципиальные политические разногласия, которые действительно существуют между нами. По-видимому, в наших отношениях ещё остаются некоторые важные проблемы, которые должны быть изучены. Тем не менее, даже если мы не сможем полностью с ними разобраться, мы обязаны по крайней мере научиться тому, как лучше сотрудничать в тех вопросах, по которым мы можем договориться. От этого зависит наше будущее.

Дейв Формен:

Я согласен со всем, что только что сказал Мюррей, и чувствую, что мне остаётся только сесть на место. Не думаю, что смогу многое добавить к сказанному. Может показаться немного странным, что с Мюрреем соглашается человек, который начал свою политическую карьеру на первом курсе колледжа, участвуя в предвыборной кампании Барри Голдуотера в 1964 г.⁵⁶ И всё-таки я действительно пришёл к этому.

Позвольте мне начать своё выступление небольшим обзором моей собственной работы и позиции в экологическом движении. Пока что я умолчу о том, как мне удалось избавиться от своего недолгого увлечения голдуотеризмом. Всё, что я могу сказать в своё оправдание: тогда я не знал, что Голдуотер выступает за параноидальный антикоммунизм и раболепие перед крупным капиталом. Я думал, он говорит о возвращении к либертарной, джефферсоновской демократии.

Как бы там ни было, к началу 1970-х я успел поработать погонщиком мулов и подковать лошадей вплоть до северного Нью-Мексико, и меня всё больше беспокоило то, что повсюду происходило с национальными лесами. В конце концов, я решил вернуться в Альбукерке и попытаться получить степень в области биологии, чтобы влиться в движение за охрану природы. Я сразу же оказался вовлечён в разработанную Лесной службой США первую программу «Обзор и оценка бездорожных областей» (RARE), которая обернулась ужасным фарсом. Одновременно я изучал герпетологию, и нам полагалось выловить и замариновать 50 змей и ящериц до конца семестра. Но я изучал герпетологию потому, что мне нравились змеи и ящерицы, так что в итоге я бросил магистратуру в середине первого семестра и с тех пор стал профессиональным смутьяном-консервационистом.

Сначала, в 1973 г., я пошёл работать в Общество дикой природы за 250 долларов в месяц, как его представитель в Нью-Мексико; я медленно прокладывал себе путь, пока в конце 1970-х не стал его главным лоббистом в Вашингтоне. Пройдя администрацию Картера, когда правительство лоббировало нас больше, чем мы лоббировали его, когда казалось, чем больше влияния и возможностей мы приобретаем, тем охотнее идём на уступки, многие из нас начали задаваться вопросом: что случилось с природоохранным движением. В то время газеты и телекомпании поручали своим экологическим обозревателям заниматься другими темами, поскольку движение в защиту окружающей среды выглядело тускло. Нас также беспокоило то, что природоохранные группы становилось всё труднее отличить от корпораций, против которых им полагалось бороться. Я считаю, что если вы организованы как корпорация, вы начинаете мыслить как корпорация. Люди, которые когда-то получили работу в движении, будучи активными добровольцами, теперь больше были обеспокоены своей личной карьерой. Они не хотели раскачивать лодку, чтобы не упустить свой шанс когда-нибудь в будущем стать помощником сенатора или высокопоставленным чиновником в министерстве внутренних дел.

Чувствуя разочарование в связанном условностями природоохранном движении, некоторые из нас, кто работал в Обществе дикой природы, Сьерра-клубе и «Друзьях Земли», начали говорить о том, чтобы провозгласить фундаменталистское возрождение внутри экологического движения. Мы хотели вернуться к основам Джона Мьюира и Олдо Леопольда. И так однажды, во время похода по мексиканской пустыне, мы решили, что пора перестать говорить о том, как всё плохо, и начать действительно что-то делать.

Мы создали «Земля прежде всего!». Возможно, мы все просто переживали кризис среднего возраста. Я не знаю. Мы повеселились на славу, развешивая по внешней стороне плотины Глен-Каньон баннеры, из-за которых казалось, что она дала трещину. Это была одна из наших первых акций. Мы немножко валяли дурака и изображали из себя Койота экологического движения. Мы пытались всё делать с юмором. Видит Бог, большинству социальных движений в этой стране недостаёт чувства юмора. Это была одна из тех вещей, которые мы очень хотели привнести в нашу работу. Возможно, благодаря этому «Земля прежде всего!» приобрела гораздо больше популярности, чем мы когда-либо мечтали получить.

Развивая работу «Земля прежде всего!», мы стали изучать практику радикальной организации. «Земля прежде всего!» вышла из рядов мейнстримного природоохранного движения; в нём всё ещё остаются мои корни, и именно в нём я всё ещё вижу аудиторию, перед которой мне комфортнее всего выступать и на которую легче всего повлиять. Я думаю, величайшая сила и величайшее достижение «Земля прежде всего!» в том, что она сумела раздвинуть рамки общенациональных экологических дебатов. В начале администрации Рейгана Сьерра-клуб называли сборищем экологических экстремистов. Но мы в «Земля прежде всего!» положили этому конец.

В те дни существовало поле для дебатов, с архитекторами насилия над природой на одном конце и «Большой десяткой» природоохранных организаций на другом. Пытаясь быть убедительными, адекватными и респектабельными, консервационисты, не успев раскрыть рта, уже начинали идти навстречу архитекторам насилия. Закономерным итогом этого,

естественно, было сужение поля дебатов, игравшее на руку крупным промышленникам. Поэтому мы в «Земля прежде всего!» попытались создать пространство для радикальной экологической перспективы на самом крайнем фланге. И в результате того, что мы закрепили за собой репутацию непримиримых, бескомпромиссных почитателей дикой природы, склонных к саботажу и прямому действию, я думаю, мы позволили Сьерра-клубу и другим группам по-настоящему усилить свои позиции в сравнении с тем, что было прежде, и в то же время выглядеть более умеренными, чем когда бы то ни было. Всё изменилось, потому что теперь их сравнивают с нами.

Я думаю, что роль авангардной группы заключается в выдвижении идей, которые вначале оспариваются как нелепые и вздорные, но в конце концов просачиваются в мейнстрим и спустя время становятся общепризнанными. Мы были первыми, кто начал говорить о сохранении всех старовозрастных лесов. До нас ни одна из магистральных экологических групп даже не упоминала о них. Теперь мы видим, что Одюбоновское общество и Федерация дикой природы занялись этой проблемой. Мы были первыми, кто стал использовать тактику прямого действия в кампаниях по защите дождевых лесов. И теперь эта деятельность занимает одно из центральных мест.

Однако нам с самого начала было очевидно: мы – не само радикальное экологическое движение. Мы рассматривали себя лишь как одну из частей радикального экологического движения. Я знаю, что у меня нет абсолютного, полного и окончательного решения для выхода из мирового экологического кризиса, в котором мы находимся. Мой путь – не единственно верный путь; это путь, который ведёт меня вперёд. Я думаю, найдутся десятки других идей и подходов, и они понадобятся нам для того, чтобы преодолеть кризис, который мы сейчас переживаем. Нам необходимо такое разнообразие внутри нашего движения. Мы в «Земля прежде всего!» специализируемся на том, что у нас хорошо получается: на сохранении дикой природы и вымирающих видов. Это не значит, что другие вопросы не важны: мы просто предпочитаем говорить о том, о чём больше всего знаем. Мы работаем над тем, что представляет для нас особый интерес. Не стоит думать, что мы можем выполнить всю работу или охватить все вопросы. Нам потребуются все подходы и углы зрения.

Я должен также подчеркнуть: хотя я занимаюсь тем, в чём лучше всего разбираюсь, теми вопросами, которые затрагивают меня глубже всего, это не значит, что социальные проблемы, упомянутые Мюрреем, несущественны или что я не сочувствую им. Чёрт побери, я шесть раз был арестован за то, что вставал перед бульдозерами или лесовозами или иным способом боролся против промышленных гигантов, пытающихся разрушить наши национальные парки и национальные леса. Я думаю, моя книга «Экозащита: Полевой путеводитель по саботажу» – это, возможно, один из самых эффективных антикапиталистических памфлетов, что когда-либо были написаны. Я знаю, мы здесь обсуждаем радикальные, антикапиталистические социальные изменения.

Одна из причин, не дававших мне довести моё послание до конца, заключается в том, что я не могу спокойно смотреть на экологическую катастрофу, которая надвигается на нас со всех сторон, в то время как многие левые, постоянно твердящие о социальной справедливости, даже не видят проблемы и нисколько не беспокоятся о других видах.

Давайте признаем: прямо сейчас мы наблюдаем самое массовое вымирание за все три с половиной миллиарда лет истории жизни на этой планете. Реймонд Дасманн сказал, что Третья мировая война уже началась и что она ведётся транснациональными корпорациями против Земли⁵⁷. В следующие 20 лет мы можем потерять треть всех живых видов из-за транснациональной алчности.

Я глубоко обеспокоен тем, что происходит с людьми во всем мире. И всё-таки, в отличие от большинства левых, я также очень обеспокоен тем, что происходит с миллионом других видов на планете, которые совсем не хотели, чтобы эта экологическая катастрофа свалилась им на голову. И я ощущаю связь, очень глубокую и эмоциональную, с теми другими видами. Я чувствую действительное родство с ними, так же как и с представителями моего собственного вида. И я согласен с тем, что, как указал Мюррей, очень сложно отделить эти проблемы друг от друга. Или, по крайней мере, так должно быть. Независимо от того, что нам больше по душе, симфония, которую исполняет стая диких гусей, или симфония, которую исполняет толпа, бурлящая в Нью-Йорке, – я думаю, нужно признать, что мы стоим на одной стороне.

К несчастью для меня, когда ты видишь такого рода экологический кризис и реагируешь на него, когда ты начинаешь строить предположения о том, что может случиться, если мы не образумимся и не изменим наш образ жизни на этой планете, то твои идеи могут прозвучать так, будто ты приветствуешь некоторые из этих вещей. Может показаться, что ты говоришь «так должно быть» вместо «так есть». Я думаю, проблема Кассандры сводится к попыткам дать понять, что ты предсказываешь некоторые вещи, потому что не хочешь, чтобы они произошли, потому что хочешь пробудить народ. Не то чтобы ты насмеялся над чьими-либо страданиями. Ты сострадаешь. Ты обеспокоен. Ты на стороне всех, кто стал жертвой международного империализма. Наверное, у меня вышло не так складно, как получалось до сих пор в моих рассуждениях по экологическим проблемам. Но для меня это очень насущные вопросы, и я глубоко обеспокоен ими.

Член аудитории:

“Мистер Формен, если вы мало-мальски настроены на то, чтобы связать проблемы социальной справедливости с вопросами экологической деградации и попытаться найти здесь общую почву, как вы согласуете этот новый тон с вашими неоднократными заявлениями в газете «Земля прежде всего!», что для защиты экологии Соединённых Штатов мы должны установить военный кордон на американо-мексиканской границе и не позволять этим, как вы выражаетесь, латиноамериканским ордам подавить нас?

Дейв Формен:

Мне кажется, вы никогда не читали того, что я писал! Я уже слышал, как циркулируют комментарии наподобие изложенных вами. Эд Эбби говорил что-то в таком духе, но я

никогда не писал ничего о закрытии границы⁵⁸. Послушайте, я живу на Юго-Западе. Все мои родственники со стороны сестры – латиноамериканцы. Я много времени провожу в Мексике и проявляю большой интерес к проблемам Центральной Америки. Я поддерживаю образование и законодательство на двух языках. Я также активно поддерживал Сандинистскую революцию в Никарагуа и выступал против внешней политики США в этом регионе.

Однако я думаю, что наступает время, когда мы должны задать непростой вопрос: будут ли работать стандартные политические решения? Я видел, что происходит с людьми, приезжающими с юга в Аризону, видел, как они эксплуатируются крупными корпорациями. Я вижу, что открытая граница служит предохранительным клапаном, который позволяет выбрасывать диссидентов из Латинской Америки и обеспечивать дешёвой, не состоящей в профсоюзе рабочей силой корпорации у нас дома. И я спрашиваю себя, что этим решается? Я думаю, мы обманываем себя, когда делаем вид, что, держа границу открытой, мы так или иначе решаем проблемы Латинской Америки.

Я не говорю держать границу на замке. Я не думаю, что это работает. Чёрт побери, я полностью солидарен с движением за право убежища для центральноамериканских эмигрантов. Я вижу репрессии и полицейское государство, созданное пограничным патрулём в Калифорнии. Но я полагаю, что мы заблуждаемся, когда придумываем простые решения сложных проблем. Дело не в закрытии или открытии границы. Я считаю, что перед нами стоит более глубокая проблема, для которой предстоит найти многоэтапное решение.

В первую очередь это, вероятно, потребует изменения внешней политики США. Я думаю, если мы собираемся помочь Латинской Америке в решении социальных и экологических проблем, мы должны убрать оттуда ЦРУ; мы должны убрать оттуда «Юнайтед фрут компани»; мы должны вернуть правительство Соединённых Штатов на такую позицию, которая не позволит им вмешиваться и поддерживать диктаторов, когда их собственный народ свергает их. Наше правительство поступало так в Гватемале, в Чили и всё ещё пытается сделать это в Никарагуа. Это лежит в основе большинства проблем. Как я говорил ранее, я был бы рад присоединиться ко всем вам, сидящим в пикетах перед местами высадки войск, когда они начнут вторжение в Никарагуа, которая сейчас определённо является самой прогрессивной и самой экологичной страной в Латинской Америке, несмотря на уступки, к которым правительство США продолжает принуждать сандинистов.

Мы все участвуем в битве за жизнь против капитала. Мы участвуем в борьбе за жизнь в равноправии вместо жизни в алчности и империализме. У нас одни и те же враги. Мы сражаемся в одной битве, независимо от того, что мы выдвигаем на первый план. Гиффорд Пинчо, первый директор Лесной службы США, сказал, что на Земле есть только две вещи: люди и природные ресурсы. Думаю, Дональд Трамп и Джордж Буш поправили бы его, сказав, что на Земле существует только одна вещь – природные ресурсы. Обычные люди становятся просто ещё одним «природным ресурсом» для большого империалиста. Мюррей прав. Это всё одна борьба.

Однако я должен сказать, что, при всём моём теоретическом понимании империализма, именно прямое столкновение с репрессивной машиной ФБР и кратковременное заключение

в федеральной тюрьме по-настоящему заставило меня осознать, как приходится страдать народам всего мира. Небольшой личный опыт общения с карательной властью государства, я полагаю, способен внушить гораздо большее сочувствие к угнетаемым группам по всему миру. Определённо, теперь, после того как ФБР наведальсь ко мне, я могу нутром почувствовать страдания людей.

С моей точки зрения, действия ФБР против меня начались около пяти утра 30 мая 1989 г. Доберман на нашей улице начал лаять, поэтому я вставил беруши. Примерно через два часа моя жена пошла открыть дверь, потому что к нам кто-то ломился, и, открыв, увидела шестерых человек с «магнумами» 357-го калибра, одетых в бронежилеты. Они сверкнули значками и оттолкнули её в сторону. После этого они побежали к нам в спальню – они уже успели разузнать, где она находится.

В этот момент я мало-помалу начал просыпаться, поскольку услышал незнакомый, но властный голос, выкрикивавший моё имя. Я, ещё с заложенными ушами и плохо понимая что к чему, открыл глаза. Май в Тусоне очень жаркий, и на мне ничего не было. И когда я проснулся, вокруг моей кровати стояли трое парней в бронежилетах с «магнумами» 357-го калибра. У такого будильника не найдётся кнопки, чтобы дать вам поспать ещё пять минут. Сначала я подумал, меня снимают скрытой камерой. Но до меня очень быстро дошло, что эти парни не шутят.

Тогда я начал вспоминать нападения ФБР на «Чёрных пантер», как, например, совершённое ФБР и полицией Чикаго убийство Фреда Хэмптона, которого застрелили в его собственной квартире, пока он спал. Я уже был уверен, что в меня полетят пули. Но, имея дело с приятным белым мужчиной из среднего класса, они не отделались бы так же легко, как в случае с Фредом или коренными жителями резервации Пайн-Ридж в начале 70-х. Так что они просто стащили меня с кровати. Мне дали надеть шорты и затем увели.

Я не знал, за что меня арестовали, пока шесть часов спустя не встретился с судьёй. По существу, произошло следующее: как мы потом узнали, ФБР потратило три года и два миллиона долларов, стараясь сфабриковать против участников «Земля прежде всего!» обвинение в попытке заговора с целью нанесения вреда государственному имуществу. Теперь нам достоверно известно, что ФБР внедряло в группы «Земля прежде всего!» по всей стране информаторов и агентов-provokаторов, стремившихся вовлекать людей в противозаконные действия. У них набралось 500 часов магнитофонных записей наших собраний, личных бесед и телефонных разговоров. Они также врывались в наши дома и офисы и неоднократно пытались запугивать экологических активистов в нескольких штатах, вызывая их на допросы и подвергая судебным преследованиям.

Днём ранее мои предполагаемые товарищи по заговору, три безоружных активиста, находясь возле опоры линии электропередачи, были арестованы полусотней вооружённых агентов ФБР, пеших, конных и на двух вертолётах. Между прочим, этих трёх активистов вёл к месту тайный агент ФБР, проникший в «Земля прежде всего!». Вся эта авантюра в значительной мере была его идеей. Он был единственным, кто говорил о взрывчатке. Я, разумеется, даже близко не стоял возле «сцены», но тем не менее ФБР описало меня как «финансиста, лидера и гуру, который привёл всё это в движение». Меня уподобили

«главарю мафии», а трёх других обвиняемых представили моими «шестёрками».

Я прежде встречался с агентом ФБР только пару раз, и то мимоходом. Я не мог даже вспомнить его фамилию. Мы с ним никогда не составляли планов совместных действий. Но это не имеет значения для ФБР. Ещё в 1970-е годы ФБР разослало всем своим полевым отделениям циркуляр, где говорилось: когда вы пытаетесь развалить диссидентскую группу, вам не стоит беспокоиться о наличии доказательств или фактов. Просто набрасывайтесь на неё, проводите массовые аресты, выдвигайте нелепые обвинения, устраивайте пресс-конференцию – и это сразу будет подхвачено масс-медиа. Эта история попала в новости. Группе нанесён ущерб. Позже вы всегда можете отказаться от выдвинутых обвинений. Это не проблема. Это почти всегда привлекает меньше внимания в прессе. Чудовищная ложь, которую ФБР огласило на своей пресс-конференции через день после арестов, сводилась к тому, что мы были шайкой террористов, замышлявшей перерезать линии электропередачи на атомных электростанциях Пало-Верде и Дьябло-Каньон, чтобы вызвать расплавление ядерных реакторов, угрожающее общественному здоровью и безопасности.

Самое главное, что нам следует понимать, – Федеральное бюро расследований, созданное сразу после рейдов Палмера в 1921 г., с самого начала было предназначено для подавления политического инакомыслия внутри страны. Они редко преследуют преступников. Они – полиция мысли. И если говорить начистоту, в этом заключается суть всего правительства. «Первый закон правительства» Формена гласит, что цель государства и всех составляющих его элементов состоит в защите позиций экономической элиты и идеологической ортодоксии. К счастью, у этого закона есть дополнение – они не всегда достаточно умны и компетентны, чтобы привести свои планы в исполнение.

В этом случае, думаю, правительство США допустило серьёзную тактическую ошибку, поскольку даже обычно послушные масс-медиа не купились на рассказанную им историю. Наше дело получало на удивление беспристрастные отзывы в прессе. Кроме того, я недавно выступал на международной ассамблее Сьерра-клуба и получил потрясающий отклик. Люди просто отказываются верить во всё это. Поэтому я очень надеюсь, что мы преодолеем это препятствие, хотя нам, несомненно, придётся услышать ещё больше лжи от ФБР в будущем.

Прежде чем я закончу, позвольте мне ещё сказать, что я согласен с Мюрреем в том, что искажённая социальная эволюция нашей цивилизации оставила нам в наследство весьма странный взгляд на действительность. Я во многом согласен с Дейвом Эренфельдом, который даёт следующую характеристику господствующей идеологии современного мира: для неё люди являются мерой всех ценностей; для неё все проблемы можно решить либо техническими, либо социологическими средствами; для неё все ресурсы либо неисчерпаемы, либо имеют неисчерпаемые заменители; и для неё человеческая цивилизация будет существовать и развиваться вечно. И, по мне, всё это – совершенно несбыточный бред⁵⁹.

Я не вижу причин, божественных или каких-то ещё, по которым человечество, если только оно не очнётся ото сна, сможет избежать вымирания. Всё вокруг нас полно безумия. Экономист-республиканец Джулиан Саймон, к примеру, недавно говорил, что на самом деле

нет никаких пределов экономического роста, поскольку мы, в конце концов, скоро будем способны преобразовать один элемент в любой другой⁶⁰. Поэтому добыча меди ограничена только общей массой вселенной. Я не могу даже начать разговор с человеком вроде него. Я хочу сказать, мы не просто говорим на разных языках – мы живём на разных планетах в разных измерениях.

Именно такое общераспространённое безумие я считаю в корне иррациональным. Я много говорю о нерациональном поведении, об использовании всех отделов нашего мозга, включая старую добрую кору, унаследованную нами от рептилий. Но я думаю, что нет ничего более рационального и осмысленного, чем напоминать себе время от времени первое правило грамотного ремонта, сформулированное Олдо Леопольдом: берегите все детали. Мы не бережём детали. Виды и целые экосистемы уничтожаются в масштабах, не имеющих параллелей в истории Земли. Это всё равно что проехать бульдозером по сложно устроенным швейцарским часам.

Мой собственный ответ на эту ситуацию – что-то вроде странного, по-ковбойски закрученного дзэн-буддизма. Я больше не верю в преобразование системы. Я верю, что нужно её саботировать, создавать ей всяческие помехи и подталкивать её к падению, используя накопленную ею энергию против неё самой. Когда люди говорят мне об уничтожении собственности, о недопустимости повреждения бульдозеров, всё, что я могу им ответить: бульдозер сделан из железной руды. Он – часть Земли. Бульдозер – это Земля, которую обратили в монстра, чтобы разрушать саму себя. Выводя его из строя, вы освобождаете дхарму бульдозера и возвращаете его Земле.

Насколько я могу судить, мы с Мюрреем, оба, по-видимому, атеисты, разными способами пытаемся помочь индустриальной цивилизации найти собственную дхарму и стать эгалитарным, в большей степени племенным обществом, которое уважает людей и, опять же, уважает Землю.

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:34:02

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:36:13